УДК 811.511.152.1
DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-4-735-746

Эволюция парадигм определённого склонения эрзянского языка посредством указательных местоимений

Д. В. Цыганкин
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
kaferz@mail.ru

Н. А. Агафонова
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
ohanina@rambler.ru

И. Н. Рябов
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
ryabov.74@bk.ru

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье представлены результаты исследования роли указательных местоимений в грамматической системе эрзянского языка. Анализ диалектного материала отражает разнообразие морфем определённости в падежных парадигмах единственного числа, что свидетельствует об отсутствии единой системы падежей указательного склонения в эрзянском диалектном ареале.

Цель: определить роль указательных местоимений в развитии постпозитивных морфем определённости и выявить особенности внутренней структуры парадигм указательного склонения в эрзянских диалектах.

Материалы исследования: полевые материалы авторов, собранные во время лингвистических экспедиций как на территории Республики Мордовия, так и в местах компактного проживания эрзи за пределами Республики Мордовия.

Результаты и научная новизна. Научная новизна исследования состоит в комплексном анализе парадигм указательного склонения имени существительного в эрзянском диалектном ареале. Полевой материала показал, что реализация морфем определённости в падежных парадигмах в разных диалектах и говорах эрзянского языка неоднородна. Выявлено четыре модели парадигм указательного склонения. Представленные модели отражают эволюцию указательных местоимений в разные морфемы определённости, которые отражают внутреннее устройство диалектных парадигм. Процесс формирования этих парадигм в разных диалектах и говорах проходил одинаково, но морфемы определённости и способы их образования были различны.

Ключевые слова: морфема определённости, указательные местоимения, говоры, эрзянский язык, падеж.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00323.

Для цитирования: Цыганкин Д. В., Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Эволюция парадигм определённого склонения эрзянского языка посредством указательных местоимений // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 735–746.

The evolution of the paradigm of the Erzya language definite declension through demonstrative pronouns

D. V. Tsygankin
N. P. Ogarev's Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
kaferz@mail.ru

N. A. Agafonova
N. P. Ogarev's Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
ohanina@rambler.ru

I. N. Ryabov
N. P. Ogarev's Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
ryabov.74@bk.ru

ABSTRACT

Introduction: the article presents the results of studying of the role of demonstrative pronouns in the grammatical system of the Erzya language. The analysis of dialect material reflects the diversity of morphemes of definiteness in case paradigms of singular, which indicates the absence of a single system cases of demonstrative declension in the Erzya dialect area.

Objective: to determine the role of demonstrative pronouns in developing of the postpositive definiteness morphemes and to identify the features of the internal structure of demonstrative declension paradigms in the Erzya language dialects.

Research materials: the article was prepared on the basis of the field materials collected by the authors during language expeditions both in the territory of the Republic of Mordovia and in the areas of large Erzya people populations outside the Republic of Mordovia.

Results and novelty of the research: the scientific novelty of the study consists in the comprehensive analysis of the paradigms of the noun demonstrative declension in the Erzya dialect area. The field material demonstrates that the realization of definiteness morphemes in case paradigms in different dialects of the Erzya language is not uniform. Four models of demonstrative declension paradigms have been found. The presented models reflect the evolution of demonstrative pronouns into different definiteness morphemes, which reflect the internal structure of the Erzya language dialect paradigms. The development of these paradigms in different dialects was the same, but the morphemes of definiteness and the ways of their development were different.

Key words: definiteness morpheme, demonstrative pronouns, dialects, the Erzya language, case.

Acknowledgment: the study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of research project No. 19-012-00323.

For citation: Tsygankin D. V., Agafonova N. A., Ryabov I. N. The evolution of the paradigm of the Erzya language definite declension through demonstrative pronouns // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2019; 9 (4): 735–746.

Введение

В мордовских языках указательные местоимения, наряду с личными и вопросительными, относятся к первичным местоимениям, восходящим к древним дейктическим элементам финно-угорского языка-основы. Местоименные слова любого языка – это самый древний и закрытый слой лексики, которые, по мнению К. Е. Майтинской, «почти не заимствуются и сохраняют в своём составе следы древних звуковых изменений...» [9, 3].

В эрзянском языке особенностью указательных местоимений является их переход в различные словоизменительные и формообразующие форманты. Известно, морфемы определённости эрзянского языка восходят к указательным местоимениям *sγ-, *tγ-, *nγ- уральского языка-основы, которые соответствуют современным указательным местоимениям: śe ‘тот’, t’e ‘этот’, ńe(t’) ‘эти’. Выбор именно этих местоимений в качестве морфемы определённости обусловлен частотой их употребления, этимологической простотой, обобщённостью их значения и сочетаемостью с именем, способностью анафорически указывать на предмет, упоминавшийся ранее. Переход указательных местоимений в определённые артикли весьма характерен и для многих индоевропейских языков. Из финно-угорских языков «суффиксальный (постпозитивный) артикль» имеется только в мордовских языках [6, 79–81; 10, 126–134]. Однако, значение, свойственное определённому артиклю, в вепсском языке может выражаться также местоимениями ***śe*** (ед. число) и ***ńe***

(мн. число): *kalan se teget käzihe tartub naug* ’Рыбу эту чистишь, на руках остаётся слизь’; *lapsed ne mänhet školha* ’Ребята эти пойдут в школу?’ [20, 392–402].

Категории определённости как объекту изучения в мордовских языках посвящены работы А. Алквиста [19], Ф. Видеманна [23], Т. М. Тихоновой [15], Д. Т. Надькина [11], Д. В. Цыганкина [16; 18], Г. И. Ермушкина [7], Н. А. Агафоновой [1; 2; 3; 18], И. Н. Рябова [2; 3; 18].

Материалы и методы

Диалектный материал для исследования собран авторами в полевых условиях во время диалектологических экспедиций как на территории Республики Мордовия, так и в местах компактного проживания эрзи в других регионах Российской Федерации. Для анализа выбраны диалекты и говоры, позволяющие дать полное представление о структуре косвенно-указательных форм, характерных для диалектных типов эрзянского языка.

Фиксация языкового материала проводилась с использованием программы-вопросника [4], отражающей диалектные особенности морфологической системы эрзянских диалектов и говоров. Источником собранного языкового материала была спонтанная речь информантов разных диалектов и говоров в естественной коммуникативной ситуации.

При работе над статьёй использовались материалы трудов финского учёного Х. Паасонена, собранные автором в конце XIX в. В его работе «Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss» [21] представлены диалектные тексты мокшанского и эрзянского языков, а также приведены парадигмы склонений имени существительного и спряжений глаголов. Ценный диалектный материал содержится в фольклорных и этнографических текстах, опубликованных в 8-ми томном издании «Mordwinische Volksdichtung» [22].

Результаты

В эрзянском языке морфема определённости или постпозитивный артикль, присоединяясь к падежным морфемам основного склонения, образует парадигму указательного склонения. На территории распространения эрзянского языка в парадигме данного склонения отсутствует единая падежная система. В одних эрзянских говорах, как и в кодифицированном языке, различают девять падежных форм. Такая падежная система характерна центральному, западному, некоторым говорам юго-восточного диалектов на территории Республики Мордовия, а также эрзянским говорам Республики Татарстан, Башкортостан, Оренбургской, Самарской, Ульяновской и Пензенской областей.

Присурские говоры юго-восточного диалекта Республики Мордовия, городищенские и бессоновские говоры Пензенской области, николаевские и павловские говоры Ульяновской области различают шесть падежных форм: номинатив, генитив, датив, пролатив, компаратив, абессив. Остальным падежам, т. е. аблативу, инессиву, элативу, лативу и транслативу, соответствуют послеложные конструкции, состоящие из генитива и послелога.

Северо-западные говоры Нижегородской области парадигму указательного склонения образуют из пяти падежей – номинатива, генитива, датива, пролатива, абессива. Значения остальных падежей выражены послеложными конструкциями.

Эрзянские говоры Новомалыклинского района Ульяновской области, ряд говоров нижнепьянского диалекта Нижегородской области и большеигнатовские говоры Республики Мордовия в указательном склонении различаются семью или восемью падежами. Комитатив, транслатив и компаратив выражаются аналитически. Иллатив, как и во многих других говорах, совпадает по формальным признакам с дативом. В новомалыклинских говорах Ульяновской области значение элатива совпадает по формальным признакам с аблативом. В некоторых говорах Самарской и Оренбургской областей парадигма указательного склонения представлена в основном шестью падежными формами – номинативом, генитивом, дативом, инессивом, иллативом, абессивом. Другие падежи заменены аналитическими конструкциями. В морд-давыдовском говоре Республики Мордовия, в эрзянских говорах сел Северного района Оренбургской области, сохранившие черты мокшанского языка, в рассматриваемом склонении имеют четыре падежа – номинатив, генитив, датив, компаратив.

Таким образом, указательное склонение в эрзянском диалектном ареале характеризуется отсутствием единой системы падежей,

разнообразием падежных форм, что говорит о незавершённости процесса его образования. Только этим можно объяснить тот факт, что в ряде говоров одно и то же падежное значение может быть передано словоформой и аналитически, например: *kudo-ś-t' ezga* и *kudo-va-ś-t'* «по дому (тому)», *moda-ś-t' ezga* и *moda-va-ś-t'* «по земле (той)». В отдельных говорах, знающих в основном трёхпадежную систему, наблюдается увеличение состава падежей за счёт форм, функционирующих в других эрзянских диалектах. Так, например, в говоре с. Мордовское Давыдово Республики Мордовия указательное склонение в основном строилось на трёх падежных формах. В настоящее время, однако, этот говор выработал форму компаратива в единственном и во множественном числе типа *skal-čka-t'* (*skal-čka-ńt'*) «с коровы (той)», *skal-t-ne-ška*, «с коров (тех)», очевидно, не без влияния соседствующих с ним эрзянских говоров, имеющих эту падежную форму.

Во всех диалектах номинатив указательного склонения имеет одну и ту же морфему *-ś*. В косвенных падежах, напротив, заметно отсутствие достаточной последовательности в образовании их форм: во-первых, в эрзянском диалектном ареале нет единой морфемы определённости, во-вторых, падежные формы строятся по разным моделям.

Различаются четыре модели, в каждой из которых выступает присущая только ей морфема определённости:

1) падежные формы с морфемой определённости *-ńt'*: в генитиве *-t'*, в других косвенных падежах *-ńt'* (ном. *kudo-ś*, ген. *kudo-ń-t'*, дат. *kudo-ńt'-(t')eń*, абл. *kudo-do-ńt'*);

2) падежные формы с морфемой определённости - *śt'*: в генитиве *-t'*, в других косвенных падежах - *śt'* (ном. *kudo-ś*, ген. *kudo-śt'*, дат. *kudo-śt'-e*, абл. *kudo-so-śt'*);

3) падежные формы с морфемой определённости *-t'* во всех косвенных падежах (ном. *kudi̦-ś*, ген. *kudi̦-t'* / *kut-t'*, дат. *kudi̦-t'-i* / *kut-t'-i*, абл. *kudi̦-di̦-t'*);

4) падежные формы с морфемой определённости *-s'* / *-z'* во всех падежах (ном. *ku-do-ś*, ген. *kudo-ź-i-ń*, дат. *kudo-ź-ńe*, абл. *kudo-ź-d'e*).

Эти модели весьма своеобразно отражают внутреннее устройство диалектных парадигм, характеризуя их как совокупность грамматических форм, противопоставленных в пределах каждой парадигмы по наличию морфемы определённости. Диалектные соответствия в парадигмах форм косвенно-указательных падежей являются регулярными: если в одной из диалектных систем функционирует форма типа *kudo-do-ńt'* «о доме (определённом)», в другой – *kudo-do-śt'*, в третьей – *kudo-ź-d'e*, в четвёртой – *kudi̦-di̦-t'*, то их соответствие и противопоставление форм с морфемами определённости будут постоянными и регулярными для любого существительного. Исключением являются некоторые говоры северо-западного диалекта и ряд говоров на территории Самарской области, в которых в одной и той же форме возможно употребление разных морфем определённости. Так, например, в говорах нижнепьянского куста Нижегородской области, говорах Новомалыклинского района Ульяновской области, кроме формы генитива на *-ź-i-ń* (*kil'jeng-e-ź-i-ń* «берёзы (той)»), повсеместно распространена форма генитива с морфемой определённости *-śt'* (*kil'jeng-e-śt'*). В некоторых говорах Самарской области, с. Кочкурово Дубенского района Республики Мордовия, Республики Татарстан (типа говора с. Мордовское Афонькино) построение парадигмы возможно с помощью морфемы определённости *-ń-t'* или *-ś-t'*. Здесь обычными являются формы типа *kudo-ń-t'* или *kudo-ś-t'* «дома (определённого)».

В территориальном отношении размещённость той или иной модели неодинакова. Наиболее распространена первая разновидность морфемы определённости *-ńt'*. Она встречаются в центральном и западном диалектах и во многих говорах юго-восточного диалекта на территории Мордовии и за её пределами (например, в эрзянских говорах Самарской и Оренбургской областей и Республики Башкортостан).

Формы косвенных падежей с морфемой определённости *-ńt'* состоят из склоняемой основы имени + морфема падежа основного склонения + морфема определённости. Такую структуру имеют генитив, аблатив, инессив, элатив, пролатив, компаратив, абессив. У падежа дативная структура: склоняемая основа имени + морфема определённости + морфема падежа: *kudo-ńt'-eń.* Парадигмы склонений с морфемой определённости *-ńt'* приведены в таблице 1.

Таблица 1.

Парадигма склонения 1 модели. Морфема определённости *-ńt'*

Падеж	Говоры центрального диалекта Республики Мордовия	Говоры западного диалекта Республики Мордовия	Некоторые говоры юго-восточного диалекта Республики Мордовия	Некоторые говоры северо-западного диалекта Республики Мордовия
Ном.	*skal-o-ś*	*skal-u-ś*	*skal-i̯-ś*	*skal-o-ś*
Ген.	*skal-o-ńt'*	*skal-u-ńt'*	*skal-i̯-ńt'*	*skal-o-ńt'*
Дат.	*skal-o-ńt'-e-ń*	*skal-u-ńt'-i-ń*	*skal-i̯-ńt'-i-ń*	*skal-o-ńt'-e-ń*
Абл.	*skal-do-ńt'*	*0* *ген.+ послелог*	*0* *ген.+ послелог*	*skal-do-ńt'*
Инес.	*skal-so-ńt'*	*0* *ген.+ послелог*	*0* *ген.+ послелог*	*0* *skal-o-ńt'ese*
Эл.	*skal-sto-ńt'*	*0* *ген.+ послелог*	*0* *ген.+ послелог*	*0* *skal-o-ńt'este*
Илл.	*skal-o-ńt'-e-ń*	*0* *ген.+ послелог*	*0*	*0*
Лат.	*0*	*0* *ген.+ послелог*	*0*	*skal-ga-ńt'*
Прол.	*skal-ga-ńt'*	*0* *ген.+ послелог*	*skal-ga-ńt'*	*0*
Транс.	*0*	*0*	*0*	*0*
Комп.	*skal-ška-ńt'*	*0*	*skal-ška-ńt'*	*skal-o-ńt'ejška*
Аб.	*skal-tomo-ńt'*	*skal-tumu-ńt'*	*skal-ti̯mi̯-ńt'*	*skal-ctomo-ńt'*
Ком.	*0*	*0*	0	*0*

В приведённых парадигмах морфема *-ńt'*, возникшая из *-ń* (ген. *-n) и *-t'*(<*-t-овое указательное местоимение) и утвердившаяся в сфере генитива, была перенесена в форму остальных падежей единственного числа. Таким образом, источником морфемы *-ńt'* явилась форма генитива, в которой произошло переразложение основ, и суффикс генитива *-ń* отошёл к форманту *-t'*, составив вместе с ним новую морфему определённости *-ńt'*. По предположению Т. М. Тихоновой [14, 60–61], возникновение морфемы определённости *-ńt'* нужно связывать с падежом прямого объекта – аккузативом. Некоторое время, по мнению Т. М. Тихоновой [14], могли существовать две формы определённого объекта: *kudoś* и *kudońś.* Первая закрепилась за подлежащим, вторая – за прямым дополнением. Формант *-ń-* в словоформе *kudońś* мог выпасть, что повлекло за собой уравнение в формах. В этих случаях необходимо было иметь другой формант определённости объекта, который даже при случае выпадения *-ń* был бы способен различать формы подлежащего и прямого объекта. Для этой цели использовано местоимение *t'e*, суффикс аккузатива *-ń* вошёл в его состав: *kudo-ń + t'e > kudo-ń -t'> kudo-ńt'.*

Вторая разновидность морфемы определённости *-śt'* зафиксирована на территории Республики Мордовия в северо-западном диалектном типе, в некоторых говорах Атяшевского района (центральный диалектный тип), во многих говорах Дубенского района (юго-восточный диалектный тип), во многих говорах Нижегородской области, Чувашской Республики, Шенталинского района Самарской области, Республики Татарстан.

Парадигмы склонений с морфемой определённости *-śt'* приведены в таблице 2.

Таблица 2.

Парадигма склонения 2 модели. Морфема определённости *-śt'*

Падеж	Большеигнатовские и приалатырские говоры	Северо-западные говоры Нижегородской области	Говоры Атяшевского и Ардатовского районов Республики Мордовия
Ном.	*skal-o-ś*	*skal-o-ś*	*skal-ć*
Ген.	*skal-o-ś-t'*	*skal-o-ś-t'*	*skal-ć-t'*
Дат.	*skal-o-śt'-t'e(ń)*	*skal-o-śt'-(t')e*	*skal-ć-t'e(ń)*
Абл.	*skal-do-śt'*	*skal-o-ź-d'e*	*skal-do-śt'*
Инес.	*skal-so-śt'*	*skal-o-śt' esne*	*skal-so-śt'*
Эл.	*skal-sto-śt'*	*skal-śt-o-śt'*	*skal-sto-śt'*
Илл.	*skal-o-śt'-t'e(ń)*	*skal-o-ś-t' ejs*	*skal-o-śt'-e(ń)*
Лат.	*0*	*0*	*0*
Прол.	*skal-ga-śt'*	*skal-ga-śt' / skal-o-ś-t' ezga*	*skal-ga-śt'*
Транс.	*0*	*0*	*0*
Комп.	*ckal-ška-śt'*	*skal-o-ś-t' ejška*	*skal-ška-ćt'*
Аб.	*skal-tomo-śt'*	*skal-tomo-śt'*	*skal-tomo-śt'*
Ком.	*0*	*0*	*0*

В данных парадигмах морфема определённости *-ś*, утвердившаяся в сфере номинатива, проникла в форму косвенных падежей через генитив не одна, а вместе с формантом *-t'*, образуя с последним морфему определённости *-śt'*, ставшую грамматическим средством выражения определённости в косвенных падежах указательного склонения по линии единственного числа. Особенностью данной морфемы является то, что в генитиве она синхронно флективна: выполняет артиклевую и генитивную функции, в остальных падежах – только артиклевую. Возникнув в сфере генитива, морфема *-śt'*, однако, не сохранила генитивного показателя *-ń*. Его функцию стала выполнять морфема *-ś*, но только после того, как, наряду с формами генитива типа *kudo-ź-iń* «дома (определённого)», в говорах стали функционировать усечённые формы генитива типа *kudo-ź / kudo-ś: kudo-ź-iń vaksso* и *kudoź vaksso* «около дома (того)». Впервые на усечённые формы генитива на *-ź* обратил внимание Д. Т. Надькин [12, 55–56]. Рефлексы усечённой формы генитива отмечены в некоторых северо-западных говорах Нижегородской области в функции прямого дополнения в выражениях, подобных следующим: *śolgik keńkšeś* (вместо *keńkšeźiń*) «закрой дверь (ту)»; *jovtiṇk bobaśkaś* (вместо *bobaśkaźiń*) «расскажи сказку (ту)» [8, 113]. Известно, что во многих других говорах и в литературном языке в этих случаях, как правило, употребляется форма генитива на *-ńt'* или *-śt'*: *śolgik keńkšeńt' / śolgik keńkšeśt'*. Возникнув из полной генитивной формы, *-s*-овая (*-ź*-овая) усечённая форма в силу несложности своей структуры получает довольно широкое распространение как генитивная форма; возможно, что некоторое время морфема *-ś* (*-ź*) в данной форме была флективна, совмещала и артиклевую, и падежную функции. Впоследствии артиклевая функция была нейтрализована, и в этих условиях морфема *-ś* (*-ź*) стала пониматься как суффикс генитива указательного склонения.

Возникновение формы типа *kudośt'* можно представить себе следующим образом: ген. **kudo-ź-i-ń* «дома (того)» > ген. усеч. * *kudoź* «дома (того)» > ген., ном. *kudoź / kudoś* «дома (того)», «дом (тот)» – *kudoź+t'e – kudoźt'e* > *kudośt'* «дома (того)». Вновь возникшая морфема *-śt'*, закрепив свои позиции в генитиве, постепенно расширяла сферу своего влияния на другие косвенные падежи, в результате чего она стала маркером определённости во всех косвенных падежах, функционирующих в данных диалектных системах. Таким образом образовался особый тип указательных форм, отличный от косвенно-указательных, различительным признаком которых является морфема определённости *-ńt'*.

Проникновение морфемы определённости *-ś*, утвердившейся в номинативе, в сферу генитива весьма вероятно. Этому процессу ничто не мешало. В говорах с парадигмами 1 и 2 моделей морфема *-ś* закрепилась лишь в номинативе. В косвенных падежах вместо неё утвердилась *-t*-овая морфема, причём это утверждение, как и морфемы *-śt'*, в «ранг» указательности для всех падежей произошло в сфере генитива. Причиной привязки *-t*-ового форманта к генитивному суффиксу является, вероятно, следующее обстоятельство. В то время, когда в диалектах общемордовского языка происходило возникновение форм типа *kudońt'*, в ряде диалектов общемордовского языка-основы, по-видимому, уже широко использовались косвенно-указательные формы типа *kudośt'*. По аналогии с ними возникает новая форма с морфемой *-ńt'*. Основой её образования явился уже не ложный генитив на *-ź* (*-ś*), а исконный на *-ń*. Возникновение новой формы генитива типа *kudońt'* можно представить себе так: **kudoźiń* > *kudoź* = *kudoń*, откуда в одних говорах, впоследствии нашедших отражение в эрзянских диалектных системах, – *kudośt'*, в других, получивших отражение в эрзянских и мокшанских диалектах, – э. *kudońt'*, м. *kutt'* (<**kudi̯ńt'*).

Некоторые говоры, имеющие косвенно-указательные формы с морфемой *-ńt'*, до настоящего времени сохранили генитив на *-śt'*. Например, в говоре с. Иванцево Лукояновского района Нижегородской области, наряду с формами *lomańińt'* «человека (того)», параллельно бытуют формы *lomańśt'*.

Эрзянские говоры, имеющие косвенно-указательные формы с морфемой определённости 3 модели *-ś* (*-ź*), локализованы в различных частях территории распространения эрзянского языка (Нижегородской, Самарской, Оренбургской областях, Республиках Татарстан, Башкортостан и др.). В эрзянском диалектном ареале на территории Республики Мордовия подобные формы не обнаруживаются (табл. 3).

Таблица 3.

Парадигма склонения 3 модели. Морфема определенности *-ś* (*-ź*)

Падеж	Говоры Новомалыклинского района Ульяновской области и нижнепьянские говоры Нижегородской области	Черемшанские говоры Республики Татарстан	Еремкино-матюшкинские говоры Самарской области
Ном.	*vel'e-ś*	*vel'e-ś*	*vel'e-ś*
Ген.	*vel'e-ź-i-ń*	*vel'e-śt'*	*vel'e-śt'*
Дат.	*vel'e-z-ńe*	*vel'e-ź-ńje*	*vel'e-ź-ńe*
Абл.	*vel'e-ź-d'e*	*vel'e-ź-d'je*	*vel'e-ź-d'e*
Инес.	*vel'e-ś-ńe*	*vel'e-ś-ne*	*vel'e-źe-śne*
Эл.	*vel'e-ź-d'e*	*vel'e-j-ś-te*	*vel'e-śte-ste*
Илл.	*vel'e-z-ńe*	*vel'e-j-s*	*0*
Лат.	*0*	*0*	*0*
Прол.	*vel'e-ź-ga*	*vel'e-z-ga*	*0*
Транс.	*0*	*0*	*0*
Комп.	*0*	*vel'e-j-ška*	*0*
Аб.	*vel'e-ś-t'eme / vel'e-ź-i-ńt'eme*	*vel'e-ś-t'eme*	*vel'e-ś-t'eme*
Ком.	*vel'e-ź-ńek*	*0*	*0*

Отличительной особенностью данных парадигм является то, что:

1) морфема определённости *-ś*, утвердившаяся в сфере номинатива, проникла в формы косвенных падежей, причём в ряде падежей по причине её прежнего нахождения между гласными она выступает в своём звонком варианте, хотя ныне таким интервокальным состоянием звонкий вариант морфемы *-ś* и не обладает; факт его появления можно проиллюстрировать на примерах аблатива, элатива: *vel'eźd'e* < **vel'e*-śe-d'e; датива, иллатива: *vel'eźńe* < **vel'e-śe-ńe* (*-ń*); в инессиве морфема определённости *-ś* реализуется в глухом виде: *vel'e-ś-ńe*; абессиве встречаются две формы: *vel'e-ś-t'eme*, где морфема определённости выступает в глухом варианте и *vel'e-ź-i-ńt'eme*, где морфема определённости зафиксирована в звонком варианте.

Первая форма образовалась на основе формы номинатива, вторая – на основе генитива;

2) во всех падежах порядок следования значимых частей нормальный: основа слова + морфема определённости + суффикс падежа основного склонения, т. е. структура парадигм аналогична структуре указательных форм множественного числа;

3) в говорах Новомалыклинского района Ульяновской области имеются две морфемы определённости: одна из них – *-ś* употребляется в номинативе, генитиве, инессиве и абессиве, другая – *-ź* – во всех остальных падежах;

4) в парадигме 3 формы с морфемой определённости *-ś* разрушены, остатки её сохраняются в генитиве, дативе, аблативе, инессиве и абессиве. Значения остальных падежей выражаются генитивом на *-śt'* указательного склонения + послелог – эквивалент соответствующего падежа;

5) генитивная форма явилась основой для образования других типов указательных форм, о которых речь шла выше.

Отличительной особенностью обладают парадигмы склонения 4 модели. Они зафиксированы в Шугуровско-Сабаевском и Морддавыдовском говорах Республики Мордовия, а также в Наскафтымских говорах Пензенской области. В них произошло смешение эрзянского и мокшанского языков [17, 347–349; 13, 60–62; 5, 118–124].

Таблица 4.

Парадигма склонения 4 модели. Морфема определенности - *t'/ - ńt'*

Падеж	Шугуровско-Сабаевские говоры Республики Мордовия	Наскафтымские говоры Пензенской области	Морддавыдовский говор Республики Мордовия
Ном.	*moda-ś*	*moda-ś*	*moda-ś* «земля (эта)»
Ген.	*moda-t'*	*moda-t'*	*moda-t'*
Дат.	*moda-t'i (-j)*	*moda-t'i*	*moda-t'i*
Абл.	*moda-di̯-t' (-ńt') / moda-t'ejsta*	*moda-di̯-t' (-ńt') / moda-t'esta*	*moda-t'ejsta*
Инес.	*moda-t'ejsa*	*moda-si̯-t' (-ńt') / moda-t'esa*	*moda-t'ejsa*
Эл.	*moda-t'ejsa*	*moda-sti̯-t' (-ńt')*	*moda-t'ejsta*
Илл.	*moda-t'ejs*	*moda-t'i*	*moda-t'ejs*
Лат.	*0*	*0*	*0*
Прол.	*moda-t'ezga*	*moda-va-t' (-ńt') / moda-t'ezga*	*moda-t'ezga*
Транс.	*0*	*0*	*0*
Комп.	*moda-ška-t'/ moda-t'ejška*	*moda-ška-t' (-ńt') / moda-t'ejška*	*moda-ška-ńt'*
Аб.	*moda-fti̯mi̯-t' (-ńt')*	*moda-fti̯mi̯-t' (-ńt')*	*0*
Ком.	*moda-t'-ńek*	*moda-ńt'-ńek*	*0*

Данная парадигма характеризуется следующими особенностями: 1) отсутствием единой для всех падежей морфемы определённости: в номинативе *-ś*, в косвенных падежах *-t'/ - ńt'*; 2) флективностью генитива: формант *-t'* одновременно выполняет функции морфемы определённости и морфемы падежа; 3) отсутствием аффикса - *ń* перед - *t',* который, так же как и в мокшанском языке, присоединяется к основе непосредственно (при гласной основе) или посредством интерфикса (при согласной основе). Сравните: *val'ma-t'* «окна (того)», *viŕi-t'i* «лесу (тому)»; 4) однотипностью генитива и датива с соответствующими формами мокшанского языка. Сравните: э. *moda-t'*, м. *moda-t'* «земли (той)»; э. *moda-t'i*, м. *moda-t'i* «земле (той)»; 5) заменой некоторых косвенных падежей послеложными конструкциями. Особенно заметно эта тенденция проявляется в говорах юго-восточного диалекта и в смежных с ним диалектах, где синтетические формы ряда падежей сосуществуют с послеложными конструкциями *генитив + послелог*.

Формы множественного числа по сравнению с формами единственного числа отличаются единообразием и однотипностью их структуры. В них строго выдерживается нормальный порядок

расположения морфем: основа слова + суффикс множественного числа + морфема определённости + морфема падежа: э. л. *viŕ + t' + ńe + ste / viŕʰ + ńe + ste* «из лесов» и т. д. Такой порядок следования морфем отражает древнейшее состояние парадигмы множественного числа, возникновение и развитие которой по единой модели обусловливались в известной мере необходимостью иметь специальные формы множественного числа в целях числовой оппозиции в сфере не только указательного, но и основного склонения, где, как уже отмечалось, в косвенных падежах отсутствуют формы множественного числа. Суффикс множественного числа *-t / -t'* и морфема определённости *-ńe*, совмещающие в себе значения множественного числа и определённости, прослеживаются по всей парадигме в каждом из косвенных падежей.

Обсуждение и заключение

Таким образом, в эрзянском диалектном ареале формы категории определённости – неопределённости имеют значительное разнообразие.

В семантике существительного без морфем определённости и с морфемами определённости отражена функция этого существительного относительно одного и того же обозначаемого – субстанции. Значения, выражаемые морфемой определённости, представляют собой систему, т. е. они являются категориальными грамматическими значениями. В склонении имён существительных эта категория находит выражение в формах падежей единственного и множественного числа, количество которых в зависимости от диалекта варьирует от 4 до 10. Парадигматизация форм с морфемой определённости – процесс длительный, в разных диалектах (говорах) он протекал с неодинаковой интенсивностью и не в одном темпе. Пути становления парадигматических форм категории определённости, очевидно, для всех диалектов были одинаковы, но средства (морфемы определённости) и способы образования их были различны.

Список источников и литературы

1. Агафонова Н. А. Варьирование детерминативных суффиксов в диалектах и говорах эрзянского языка // Mordvin languages in the field. Uralica Helsingiensia 10. Helsinki: [б.и], 2016. С. 149–167.
2. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Морфологические маркеры морфем определённости в эрзянских диалектах Поволжья и Южного Урала // Вестник НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 4 (20). С. 108–115.
3. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Парадигма определённого склонения в эрзянских говорах сёл Новомалыклинского района Ульяновской области // Linguistica Uralica. 2017. № 3. С. 161–178.
4. Агафонова Н. А, Рябов И. Н., Рябова Г. В. Программа по сбору диалектного материала эрзянского языка. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. 80 с.
5. Бибин М. Т. Говоры наскафтымской мордвы // Учёные записки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1964. № 43. С. 19–159.
6. Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953. 272 с.
7. Ермушкин Г. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык). М.: Наука, 1984. 142 с.
8. Ермушкин Г. И. Имя существительное и глагол в северо-западных говорах эрзя-мордовского языка // Вопросы мордовского языкознания. Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1967. Вып. XXXII. С. 104–143.
9. Майтинская К. Е. Местоимения в мордовских и марийских языках. М.: Наука, 1964. 110 с.
10. Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969. 308 с.
11. Надькин Д. Т. К истории указательных форм в мордовских языках // Вопросы мордовского языкознания. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1972. Вып. 42. С. 61–68.
12. Надькин Д. Т. Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. Т. 5. С. 3–198.
13. Объедкин В. Д. Говор села Мордовское Давыдово Кочкуровского района Мордовской АССР // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1961. Т. 2. С. 37–98.
14. Тихонова Т. М. Особенности указательного склонения в эрзянских диалектах // Вопросы мордовского языкознания. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1975. Вып. 2. С. 60–61.

15. Тихонова Т. М. Выражение категории определённости в мордовских языках // Вопросы мордовского языкознания. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1972. Вып.42. С. 3–60.

16. Цыганкин Д. В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (определённости-неопределённости и притяжательности). Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1978. 72 с.

17. Цыганкин Д. В. Шугуровский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1961. Т. 1. С. 294–395.

18. Цыганкин Д. В., Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Структура падежных форм парадигмы определенного склонения в эрзянском диалектном ареале // Вестник угроведения. 2017. Т. 7. № 4. С. 86–97.

19. Ahlqvist A. Versuh einer Mokscha-Mordvinischen Grammatik. Saint-Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1861. 214 s.

20. Kettunen L. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. Helsinki: Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia, 86. 1943. 576 s.

21. Paasonen H. Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss. Hilfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprahen IV. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne, 1909. 159 s.

22. Paasonen H. Mordwinische Volksdichtung. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1938 –1981. B. I – 1938 (509 s); B. II – 1939 (574 s); B. III – 1941 (343 s); B. IV – 1947 (897 s); B. V – 1977 (525 s.); B. VI – 1977 (236 s.); B. VII – 1980 (471 s.); B. VIII – 1981 (499 s.).

23. Wiedemann F. J. Grammatik der Ersa-Mordwinischen Sprache. Saint-Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1865. 261 s.

References

1. Agafonova N. A. *Varirovanie determinativnyh suffiksov v dialektah i govorah erzyanskogo yazyka* [Varying of determinative suffixes in the dialects of the Erzya language]. *Mordvin languages in the field. Uralica Helsingiensia 10* [Mordvin languages in the field. Uralica Helsingiensia 10]. Helsinki: [w/p], 2016. pp. 149–167. (In Russian)

2. Agafonova N. A., Ryabov I. N. *Morfologicheskie markery morfem opredelennosti v erzyanskih dialektah Povolzh'ya i Yuzhnogo Urala* [Morphological markers of the morphemes of definiteness in the Erzya dialects of the Volga region and the Southern Urals]. *Vestnik NII Gumanitarnyh nauk pri Pravitelstve Respubliki Mordoviya* [Bulletin of the Research Institute of the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia], 2011, no. 4 (20), pp. 108–115. (In Russian)

3. Agafonova N. A., Ryabov I. N. *Paradigma opredelennogo skloneniya v erzyanskih govorah sel Novomalyklinskogo rajona Ulyanovskoj oblasti* [The paradigm of the definite declension in the Erzya dialects of the villages of Novomalyklinsky District of Ulyanovsk Oblast]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2017, no. 3, pp. 161–178. (In Russian)

4. Agafonova N. A, Ryabov I. N., Ryabova G. V. *Programma po sboru dialektnogo materiala erzyanskogo yazyka* [Program for collecting dialect material of Erzya language]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2018. 80 p. (In Russian)

5. Bibin M. T. *Govory naskaftymskoj mordvy* [Dialects of the Mordovians of Naskaftym]. *Uchenye zapiski* [Scholarly notes]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1964. Vol. 43. pp. 19–159. (In Russian)

6. Bubrikh D. V. *Istoricheskaya grammatika erzyanskogo yazyka* [Historical grammar of the Erzya language]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1953. 270 p. (In Russian)

7. Ermushkin G. I. *Arealnye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (erzya-mordovskij yazyk)* [Areal studies of the Eastern Finno-Ugric languages (the Erzya-Mordovian language)]. Moscow: Nauka Publ., 1984. 142 p. (In Russian)

8. Ermushkin G. I. *Imya sushchestvitel'noe i glagol v severo-zapadnyh govorah erzya-mordovskogo yazyka* [The noun and verb in the Northwestern dialects of the Erzya-Mordovian language]. *Voprosy mordovskogo yazykoznaniya. Trudy MNIIYALIE* [Problems of Mordovian linguistics. Proceedings of the Mordovia Research Institute of Language, History, Literature and Ethnography]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1967. Vol. XXXII. pp. 104–143. (In Russian)

9. Maytinskaya K. E. *Mestoimeniya v mordovskih i marijskih yazykah* [Pronouns in the Mordovian and Mari languages]. Moscow: Nauka Publ., 1964, 110 p. (In Russian)

10. Maytinskaya K. E. *Mestoimeniya v yazykah raznyh sistem* [Pronouns in the languages of different systems]. Moscow: Nauka Publ., 1969. 308 p. (In Russian)

11. Nadkin D. T. *K istorii ukazatel'nyh form v mordovskih yazykah* [To history of demonstrative forms in the Mordovian languages]. *Voprosy mordovskogo yazykoznaniya* [Problems of Mordovian linguistics]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1972. Vol. 42. pp. 61–68. (In Russian)

12. Nadkin D. T. *Morfologiya nizhnep'yanskogo dialekta erzya-mordovskogo yazyka* [Morphology of the Lower-Pyana dialect of the Erzya-Mordovian language]. *Ocherki mordovskih dialektov* [Essays of the Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1968. Vol. 5. pp. 3–198. (In Russian)

13. Obedkin V. D. *Govor sela Mordovskoe Davydovo Kochkurovskogo rajona Mor-dovskoj ASSR* [Subdialect of the village Mordovskoye Davydovo of Kochkurovsky District of the Mordovian ASSR]. *Ocherki mordovskih dialektov* [Essays of the Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1961. Vol. 2. pp. 37–98. (In Russian)

14. Tikhonova T. M. *Osobennosti ukazatel'nogo skloneniya v erzyanskih dialektah* [Features of index declination in the Erzya dialects]. *Voprosy mordovskogo yazykoznaniya* [Issues of Mordovian linguistics]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1975. Vol. 2. pp. 60–61. (In Russian)

15. Tikhonova T. M. *Vyrazhenie kategorii opredelennosti v mordovskih yazykah* [The category of definiteness in the Mordovian languages]. *Voprosy mordovskogo yazykoznaniya* [Issues of Mordovian linguistics]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1972. Vol. 42. pp. 3–60. (In Russian)

16. Tsygankin D. V. *Grammaticheskie kategorii imeni sushchestvitelnogo v dialektah erzya-mordovskogo yazyka (opredelyonnosti-neopredelyonnosti i prityazhatel'nosti)* [Grammatical categories of the noun in the dialects of the Erzya-Mordovian language (definiteness-indefiniteness and possessiveness)]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 1978. 72 p. (In Russian)

17. Tsygankin D. V. *Shugurovskij dialekt erzya-mordovskogo yazyka* [Shugurovo dialect of the Erzya-Mordovian language]. *Ocherki mordovskih dialektov* [Essays of the Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1961. Vol. 1. pp. 294–395. (In Russian)

18. Tsygankin D. V., Agafonova N. A., Ryabov, I. N. *Struktura padezhnyh form paradigmy opredelennogo skloneniya v erzyanskom dialektnom areale* [The structure of the case forms in the paradigm of the definite declension in the Erzya dialect area]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric studies], 2017, no. 4, pp. 86–97. (In Russian)

19. Ahlqvist A. *Versuh einer Mokscha-Mordvinischen Grammatik*. Saint-Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1861. 214 p. (In German)

20. Kettunen L. *Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus*. Helsinki: Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia, 86. 1943. 576 p. (In Finnish)

21. Paasonen H. *Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss. Hilfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprahen IV*. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne, 1909. 159 p. (In Erzya, German)

22. Paasonen H. *Mordwinische Volksdichtung*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1938 –1981. B. I – 1938 (509 p.); B. II – 1939 (574 p.); B. III – 1941 (343 p.); B. IV – 1947 (897 p.); B. V – 1977 (525 p.); B. VI – 1977 (236 p.); B. VII – 1980 (471 p.); B. VIII – 1981 (499 p.). (In Erzya, German)

23. Wiedemann F. J. *Grammatik der Ersa-Mordwinischen Sprache*. Saint-Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1865. 261 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Цыганкин Дмитрий Васильевич, профессор кафедры мордовских языков, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), доктор филологических наук, профессор.

kaferz@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4806-2732

Агафонова Нина Афанасьевна, доцент кафедры мордовских языков, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), кандидат филологических наук, доцент.

ohanina@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0001-8751-2751

Рябов Иван Николаевич, доцент кафедры мордовских языков, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), кандидат филологических наук.
Ryabov.74@bk.ru
ORCID ID: 0000-0001-6760-4376

ABOUT THE AUTHORS:

Tsygankin Dmitriy Vasilievich, Professor of Department of the Mordovian languages, N. P. Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, the Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Doctor of Philological Sciences.
kaferz@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-4806-2732

Agafonova Nina Afanasyevna, Associate Professor, Department of the Mordovian languages, N. P. Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, the Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.
ohanina@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0001-8751-2751

Ryabov Ivan Nikolayevich, Associate Professor, Department of the Mordovian languages, N. P. Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, the Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Candidate of Philological Sciences.
Ryabov.74@bk.ru
ORCID ID: 0000-0001-6760-4376